

(«Мәче-Мырай – соры маңгай һәм Кәжә белән Сарык»). Данный способ перевода всегда в какой-то степени неточен, но переводчик старается свести эти неточности к минимуму, отразив хотя бы существенные семантические компоненты реалий оригинала. Следует отметить, что использование данного приема приводит к неполному раскрытию всего значения данного слова, всего национального колорита, так как употребляются нейтральные по колориту слова или словосочетания.

При анализе русских народных сказок было выявлено несколько случаев замены реалия русского языка на реалию татарского языка: *А что, Овца, ведь на тебе тулуп-то мой!* («Овца, Лиса и Волк») – *Карале, Сарык, синең өстеңдәге тун минеке бит!* («Сарык, Төлке һәм Бүре»); *На другой день приходит Лиса к Журавлю, а он приготовил крошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол...* («Лиса и Журавль») – *Икенче көнне Төлке Торнага кунакка бара. Торна, тар гына авызлы чүлмәккә борчак салып, Төлке алдына куя.* («Төлке белән Торна»). Как мы видим, использование данного приема позволяет нам сделать вывод о том, что его применение приводит к подмене колорита реалии, а в некоторых случаях и к искажению смысла подлинника.

Псевдоантропонимы (Котофей Иванович, Михайло Потапыч, Терентий) передаются соответствующими им в татарском языке функциональными эквивалентами имен собственных, т. е. как (Көртлек, Мыяветдин абзый): *Ну так и прощай, Терентий!* («Лиса и Теререв») – *Алайса, хуш, Көртлек, минем өйдә эшем күп* («Төлке белән Көртлек»); *А кто такой Котофей Иванович?* («Кот и Лиса») – *Ә кем соң ул Мыяветдин абзый?* («Мәче белән Төлке»). Соответственно, транслитерация данных имен не является оптимальным методом передачи. Она сохраняет признак этноязыковой принадлежности, но не передает остальные признаки классифицирующего компонента значения. Для сказки о животных релевантность этого признака минимальна и не превышает те затруднения, с которыми сталкивается татароязычный читатель, воспринимая транслитерированные русские отчества.

В заключение хотелось бы сказать, что перевод русских сказок на татарский язык интересен тем, что представляет собой работу с различными аспектами языка и требует творческого подхода со стороны переводчика, что делает конечный результат уникальным.

Список использованной литературы

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Просвещение, 1968. – 612 с.
2. Лесные сказки: Русские народные сказки. Урман әкиятләре: рус халык әкиятләре. – Казань, Магариф, 2008. – 95 с.

Мухаметзянова Л.Р., Мухаммадиева Э.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СЛОВ «АКЧА» И «MONEY» В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ассоциация в психологии – это связь, образующаяся при определенных условиях между двумя или более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами, восприятиями, представлениями, идеями и т. п.); действие этой связи – актуализация ассоциации состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других). Психофизиологической основой ассоциации считается условный рефлекс [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Чтобы выяснить и проанализировать ассоциативный ряд слова татарского слова «акча», обратимся к проведенному среди студентов Казанского (Приволжского)

Федерального Университета ассоциативному эксперименту. Все респонденты – носители татарского языка, студенты Отделения татарской филологии и культуры имени Г. Тукая Института Филологии и межкультурной коммуникации. В скобках после ассоциатов указано количество повторов.

АКЧА: күп [56]; байлык [51]; кирәк [31]; кәгазь [28]; юк [18]; эшләү [11]; аз; бар [10]; кошелек; эш [8]; бай; җитми; яшел [7]; аз; банк; тиен[6]; доллар; эшләргә; янчыгы [5]; стипендия [4]; алу; бик күп; күп кирәк; машина; тимер [3]; акча; бетте; бирү; җитәрлек; мал; санау; сум; туздыру [2]; 5000; авырлык түгел; айлык; акчарлак; эшәке; бакча; берәмлеге; дин; зур; исе; йөрәк; капчык; карта; кешене боза; килә; китерү; кызыл; милек; минем; мөнәсәбәте; муллык; начар; предмет; сан; саранлык; сорап; су; суган; табу; талаш; тәңгәллек; тормыш кору; тормыш; түләргә; уңыш; хәзинә; һәрвакыт; чак-чак; чүп; чыгару; эш хакы; югалту; явыз; яратам; яшел төс [1]; 500+78+15+44+16.

В эксперименте приняли участие 500 студентов. У большинства из них слово «акча» ассоциируется со словами «много» и «богатство». Как видно из ассоциативного ряда, в качестве ассоциаций выступают слова, представляющие собой номинации весьма разнообразных, преимущественно в основном положительных характеристик. Но есть и отрицательные моменты (*эшәке, кешене боза, начар, саранлык; талаш, явыз*).

Следует отметить, что в концептосфере реакции-слова явно преобладают над реакциями-словосочетаниями. При этом в татарском языке информантами чаще употребляются имена существительные, менее частотными являются прилагательные. Глаголы представляют собой весьма малочисленную группу (*килә, сорау, тормыш кору, түләргә, эшләргә, югалту, табу*). Это говорит о том, что слову «акча» не характерны подвижность и деятельность.

Ядро ассоциативного поля образовано 6 ассоциациями (*күп, байлык, кирәк, кәгазь, юк, эшләү*), остальные ассоциаты представляют собой его периферию, условно подразделяемую на ближнюю (*аз; бар; кошелек; эш ; бай; җитми; яшел ; аз; банк; тиен; доллар; эшләргә; янчыгы; стипендия; алу; бик күп; күп кирәк; машина; тимер; акча; бетте; бирү; җитәрлек; мал; санау; сум; туздыру*) и дальнюю (*5000; авырлык түгел; айлык; акчарлак; эшәке; бакча берәмлеге; дин; зур; исе; йөрәк; капчык; карта; кешене боза; килә; китерү; кызыл; милек; минем; мөнәсәбәте; муллык; начар; предмет; сан; саранлык; сорап; су; суган; табу; талаш; тәңгәллек; тормыш кору; тормыш; түләргә; уңыш; хәзинә; һәрвакыт; чак-чак; чүп; чыгару; эш хакы; югалту; явыз; яратам; яшел төс*). При этом синтагматические ассоциации преобладают над парадигматическими.

В английском языке слово «*money*» имеет следующие ассоциации: *Bags, cash, gold, pounds, none, wealth, rich, pound, bag, bread, evil, paper, poverty, purse, avarice, baby, bank, bear, buy, change, coin, coins, decimal, food, fun, girls, greed, green, happy, honey, l.s.d., lack, little, live, mad, make, maker, matters, millions, mind, nice, nil, note, order, pay, pennies, piggy-bank, pot, power, problems, security, silver, spend, spent*.

При изучении ассоциативного поля слова «*money*» был использован ассоциативный словарь английского языка [<http://www.eat.rl.ac.uk>].

В английском языке деньги воспринимается, главным образом, отрицательно, хотя встречаются и положительные реакции. Так, деньги вызывает у англичан ассоциации, связанные с проблемами, злом, бедностью, жадностью.

Следует также отметить наличие в данном ассоциативном поле слов-реакций, вербализующих полярные признаки данного понятия (*paper, coin, coins*).

Данные психолингвистического эксперимента позволяют выделить и некоторые дополнительные признаки ассоциативного поля. Так, общими для обеих языков являются:

Деньги – это необходимость в быту: за деньги покупают еду, технику.

Деньги – жизнь во всех ее проявлениях.

Деньги – комфорт и удовольствие: *авырлык түгел, уңыш, хәзинә, rich, fun, happy*.

В обоих случаях деньги представляются зеленым, однако в татарском сознании встречается ассоциация красный (*кызыл*).

Ядро ассоциативного поля образовано 5 ассоциациями: *bags, cash, gold, pounds, none, wealth*. Информантами чаще употребляются имена существительные, менее частотными являются прилагательные.

Итак, ассоциативная структура ассоциативного поля слов «*акча*» и «*money*» является многомерной и предполагает множество интерпретаций. Комплексный анализ ассоциативных реакций позволяет представить динамичную организацию данного поля и выявить его национально-культурные особенности.

Список использованной литературы

1. Философский энциклопедический словарь. / Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

Мухаметзянова Л.Р., Шайхутдинова З.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Явление звукоподражания (звукоизвлечения) очень давно привлекает внимание лингвистов и исследователей, но оно рассматривалось лишь в связи с другими проблемами языкознания. От определения статуса звукоподражания (звукоизвлечение) в языке зависит принципиальное решение многих кардинальных проблем языкознания, например, вопросов о произвольности или непроизвольности языкового знака, о происхождении и роли языка и многих других.

Долгое время изучение звукоподражания не было отделено от изучения звукоимитации. Теория звукоимитации гласит, что во многих словах, обозначающих явления звуковой действительности, между значением слова и его звуковой оболочкой существует определенное соответствие, опирающееся на способность звука или группы звуков самих по себе сигнализировать о наличии какого-то значения [Скаличка, 1967: 217].

Согласно звукоподражательной теории, как язык в целом, так и его отдельные слова представляют собой не что иное, как своеобразное звуковое подражание. Когда говорят, что *кошка мяукает, лягушка квакает, лошадь ржет* и т.п., то в самих названиях этих глаголов (*мяукать, квакать, ржать*) звукоподражанием передают особенности данных действий. В глаголе «*мяукать*» как будто бы слышится мяу-мяу, которое издает кошка. Соответственно воспринимается кваканье лягушки, ржанье лошади и т.п. [Будагов, 1965: 335].

В трудах современных авторов вопросы звукоподражания занимают значительное место. Среди важнейших работ следует назвать исследования Пейджета и его последователей, работы Г. Ревеса и А. Г. Спиркина. Теснейшим образом связана разработка вопросов звуковой отражательности (изобразительности) и происхождения звуков в трудах Д.В. Бубриха и И. Горелова. За последнее время появился ряд работ, в которых исследуются междометия и звукоподражания на материале отдельных языков. В этих исследованиях нашли освещение фонетические, структурные, семантические и синтаксические особенности междометий и звукоподражаний, их классификации, а также функционально-коммуникативные характеристики звукоподражаний.

Вместе с тем, несмотря на то, что в исследовании звуковой изобразительности в целом к настоящему времени сделано многое, проблема звукоподражаний не теряет своей актуальности. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы частеречной принадлежности звукоподражательных слов, разграничения их от междометий,